

Татьяна Фёдорова

часть 2

Перевёртыши

Татьяна Фёдорова
Перевертыши. Часть 2

«Автор»

2020

Фёдорова Т.

Перевёртыши. Часть 2 / Т. Фёдорова — «Автор», 2020

К лицу ли высокородному лорду шпионское поприще? А если страна на пороге войны, а твоя внешность – самая подходящая? Что выше – честь или долг? Что делать, если сердце рвётся совсем не к той, что выбрана твоим королём? И как предать другую, доверившую тебе свои тайны? Правила игры изменились, и ситуация стала еще хуже. Что еще можно сделать, чтобы оправдать доверие своего короля? Отправиться во Дворец, оборвав все связи с новыми друзьями. А что, если они — вовсе не те, за кого себя выдают?

© Фёдорова Т., 2020

© Автор, 2020

Татьяна Фёдорова

Перевертыши. Часть 2

Глава 1.

Сегодняшнее заседание Совещательного Совета было самым угрюмым за последние десятилетия. Господин Цак – Глава Купеческого Совета – несколько раз срывавшийся до постыдных скандалов на предыдущих заседаниях, в этот раз словно укуса в рот набрал. Его глаза быстро перебежали по лицам присутствующих, будто выискивая, на кого бы выплюнуть тот самый укус. Но встретившись с тяжелым взглядом Главы Военного Клана, Господин Цак лишь скривился еще больше и отвел взгляд. *«И правильно, помолчи. Все равно, ничего путного ты не скажешь»* – Военный Глава тяжело засопел, стараясь погасить закипающее раздражение. Два дня назад были похищены брикеты, которые перевозились в столицу для городской казны. По договору, охрану в таких случаях предоставляет Военный Клан, но охранники в этот раз не были опытными бойцами, за что и поплатились своими жизнями. Сейчас старший сын Военного Главы, Северный Генерал, подписавший этот договор, стоя у карты, докладывает о произошедшем Совету. Слишком издалека и подробно докладывает, пряча за многословием свою растерянность. Бросив въедливый взгляд исподлобья на Хранителя Печати, Воевода досадует – лицо правителя совершенно бесстрастно, лишь застывшие желваки выдают напряжение, но он не останавливает излишне пространный доклад.

Военный Глава рассеянно потер ноющее колено и с раздражением покосился на пустующее кресло Верховной Хранительницы. *«Старуха опять не явилась на Совещательный Совет. Конечно, в ее возрасте давно пора отдыхать от дел в Обители Старейшин, но пока девчонка не подрастет, ей придется нести это бремя. Сколько сейчас девчонке? Двадцать? Тогда ей осталось протянуть только год»*. Когда погибли прежняя Хранительница и Префект, то Главу Законников заменили его первым помощником, а Верховной пришлось остаться. Трехлетняя Айб, как единственная наследница, получила титул Советницы, без Обряда Испытания, а дочь Военного Главы, – вдова Префекта, – которая метила в это кресло, так и не смогла простить ей это. Воевода раздраженно посмотрел на Советницу – руки в белых перчатках аккуратно сложены на столе, голова опущена, кружевная вуаль закрывает все лицо – не разберешь, то ли спит сидя, то ли внимательно слушает. Эта пигалица с малых лет вертела отцом, как хотела. Правитель потакал всем ее капризам – подарил гостиницу ее садовнику и даровал дворянство его детям. А в шестнадцать лет наследница изъявила желание присутствовать на Совещательном Совете, хотя до тех пор никто из скрывающих лица сюда не допускался. Но Верховная поддержала ее. И теперь Военный Глава старается по-реже встречаться с собственной дочерью – прошло четыре года, а она до сих пор плюется ядом в спину наследницы. *«Глупая! Она даже не подозревает, от какого бремени он избавил ее, согласившись тогда с таким раскладом. Титул Главы Дома дает ей немалые привилегии и избавляет от огромной ответственности за всю страну. Хотя... Кто знает, может, будь Верховная помоложе, такого не случилось бы?»*

Последние два года с государственной казной происходят странные вещи – непонятным образом стали пропадать то средства, предназначенные на выплаты служащим, то товары для государственных учреждений, хотя по бухгалтерским книгам сделки проходили успешно, но вот на склад товар не попадал. Брюзливый Глава Купеческого Совета превратился в злобного склочника, требуя чтобы Купеческий Клан одновременно и защитили, и оставили в покое. Законники проверяли каждую сделку в поисках зацепок, но ничего не нашли. Префект почернел от недосыпания, пока не объявились таинственные помощники, которых чернь прозвала «Тени». Закутанные в темные одежды, они неслышно проникали в дома чиновников и находили подложные накладные или тайники с товаром. Хвала Создателю, Военный Клан не

ударил в грязь лицом – раскрутили крупнейшую, многолетнюю аферу с контрабандой, причем она оказалась тесно переплетена с этими махинациями. Правда, самого главаря пока не нашли, но щупальца ему обрубили. Трое чиновников и восемь купцов отправились чистить горшки, остальные притихли. Верховная залатала бреши, частично из имущества осужденных, частично из личных средств, частично перераспределив доходы ведомств. Глава Купцов стал еще более вьедливым, а Префект напился так, что несколько дней не мог прийти в себя – не то от радости, что сам не попал на переработку, не то от стыда, что его ведомство оказалось бессильно. И вот теперь новая беда, и задета честь Военного Клана.

Военный Глава прислушался – кажется, генерал наконец-то добрался до сути.

– Нападение произошло вот в этом районе. Дорога с одной стороны ограничена скальной стеной, с другой стороны лесной массив, где, очевидно, и пряталась засада. Это государственные охотничьи угодья, так что встретить людей там маловероятно. Погибли все пять охранников и сопровождающий. Водитель самостоа был ранен, потерял много крови, но пришел в себя. Сказал, что успел увидеть только черные тени, все случилось слишком неожиданно. Судя по следам, брикеты они перегрузили на лошадей охранников и ушли в лес. До ручья они даже не пытались скрывать следы, но дальше след пропал. Мы ищем следы и вверх и вниз по ручью, но пока ничего.

Генерал помедлил, затем, глядя в глаза Хранителю Печати, сказал: – Есть одна странность.

– Говорите.

– Лошади охранников были из городской конюшни. Сегодня выяснилось, что все лошади на месте. Кто и когда вернул лошадей вряд ли удастся выяснить. Строгий учет там не ведется, конюхи выдают лошадей каждому, кто предоставляет нужную бирку, а принимают и вовсе без учета.

– По каким биркам можно получить лошадь?

– Знак работника Дворца, знак Стража, знак государственного Лекаря.

– Выходит, под подозрение попадает вся дворцовая охрана и городская стража?

Генерал молча кивнул. Хранитель недолго подумал, затем повернулся к Секретарю.

– С завтрашнего дня, в конюшне будет вестись книга учета: номер лошади, кто и когда взял, когда вернул. Для городской стражи обязательны книги: кто вышел на смену, когда ушел, по чьему указанию, когда пришел. Генерал, вы получите мою бирку на опрос Старших смен дворцовой охраны. Глава Строителей, мне нужны самые подробные карты охотничьих угодий и всех прилегающих строений. Военный Глава, список складов, где нужно будет взять резервные брикеты, вы получите от Верховной Хранительницы лично. Продолжайте искать, генерал.

Советница подняла ладошку над столом.

– Да?

– Неучтенные брикеты...

Хранитель кивнул.

– Глава Купеческого Совета, прошу вас выделить людей в помощь для проверки отчетности по брикетам. Еще есть советы? Тогда на сегодня все.

Хранитель подошел к карте и изучал ее, пока зал не опустел. Кроме него остались только Секретарь и Советница. Она подошла к отцу.

– Говори.

– Возможно, это не просто сделать. Во всяком случае, не сразу. Но что, если на подковы каждой лошади наносить особый знак, ну, или ее номер? В будущем это даст дополнительный контроль, хотя ничем и не поможет сейчас.

Хранитель улыбнулся Секретарю: – Тебе придется подумать над этим.

– Да, Господин Хранитель Печати.

Правитель положил руку на плечо парня: – Мы здесь одни, давай без надоедливого этикета.

– Хорошо, дядя. У меня есть похожее предложение. Если на брикетах ставить не только печать, но и дату, и место упаковки? Достаточно будет объявить в розыск одну партию. Не нужны будут дополнительные проверки всех складов, чтобы отследить украденное.

– Да, Кан, это хорошая идея. Продумай ее до конца, потом мне расскажешь. А что вы думаете об этих «тенях»? Кто они? Зачем им столько брикетов? Похоже, вы оба думаете, что это нападение не последнее.

Девушка покачала головой: – Не думаю, что это те же Тени. До сих пор они никого не убивали. И наоборот, помогали раскрыть махинации. Скорей, чиновники стали бояться брать взятки, и заговорщики перешли на кражу брикетов, которые проследить будет гораздо сложнее. Кан, это прекрасная идея! Можно для каждого цеха назначить свой цвет печати, и опознавать их будет еще легче.

– Согласен, Айю. Дядя, меня очень беспокоит это настойчивое расшатывание Основ. Зачем? Ведь Обряд Испытания совсем скоро. И пусть Старейшины выбирают достойного.

Хранитель стал прохаживаться по комнате. Он вообще не любит сидеть на месте, а особенно, как каменное изваяние, как того требует от него этикет.

– А вы уже слышали, что Военный Клан, как и Купеческий, не стал отправлять избирательные корзины?

– Что? О Купеческом Клане я слышал, но Военные... Почему?

– Рас отказался проходить Испытание.

– Отказался? Вот ведь! – Кан крепко сжимает кулаки. Известие, которое должно бы обрадовать его, только раздосадовало.

– Мне доложили, что Расу пришлось перенести страшный скандал, но он не отступился. Смириться пришлось Главе Клана.

– Ого! Воевода в гневе молнии из глаз пускает! – Айю поежилась, вспоминая тяжеловесный взгляд Военного Главы. – И он смирился?

– Вот именно. – Хранитель остановился возле дочери и племянника. – Трудно поверить в такое смирение. Конечно, Рас был лучшим кандидатом от Военного Клана, но третий сын Воеводы еще не женат, и ему только тридцать два. Он тоже имеет право на Испытание.

– Но корзины...

– Да. Корзины для голосования остались в Крепости. Это может означать, так же, что они хотят отдать Печать тому, кого Совет Старейшин не выберет. Это либо отец Раса, либо второй сын Военного Главы. И нас ждет военный переворот.

– Но погибли люди из Военного Клана! Это не логично...

– Зато под подозрение попали сразу и дворцовая охрана, и городская стража. Одной стрелой в две шеи.

Кан опустил глаза, но продолжает возражать.

– Я не верю, что Военный Клан так легко отдал жизни своих людей. Это не похоже на них.

– У тебя есть другое объяснение?

– Нет. Пока нет.

– ... Хорошо. Ты получишь мою бирку для собственного расследования. Но будь осторожен. – Хранитель вглядывается в лицо Кана – достаточно ли он понимает серьезность положения? – Кан, не забывай историю своего Клана. Пока Военный Клан занимается только обороной страны, государство процветает. Нельзя подчинять все ресурсы страны только военным целям, это всегда приводило к обострениям. Ты думаешь, Главное Правило возникло по *прихоти* древних Хранительниц?

Кан вздыхает: – Основы незыблемы и постоянны, потому, что это – Основы. Я помню.

– Я знаю, Кан, что тебя не радует предстоящее назначение, но это *твоя* ноша, и ты должен быть достоин ее. – Хранитель собирался сказать племяннику что-то еще, но вошел слуга, и поставил на стол резную шкатулку.

– Что ж, вы можете идти. Кан, я жду твои выводы.

Правитель теперь явно тяготился их присутствием, и молодые люди поспешили выйти. В холле девушка повернулась к парню: – Кан, ты не был у меня с тех пор, как вышел из лекарни. Я скучаю по нашим разговорам. Я знаю, ты очень занят, но может, найдешь немного времени для сестры?

– Я был у *вас* всего пять дней назад. *Вы* весь вечер музицировали и *вам* было явно не до меня. – Кан старательно подчеркнул «вас, вы, вам» интонацией.

– Прости! Не сердись! – девушка схватилась за его рукав, и говорит «печальным» голосом. В детстве это действовало на него безотказно. – Это... это был не очень удачный день и... мне не хотелось делиться с тобой плохим настроением.

– Не думаю, что у тебя это получилось – все-таки улыбнулся Кан.

– Не сердись! А если ты предупредишь меня заранее, я приготовлю для тебя самые лучшие сладости! Ты придешь?

– Боюсь, что теперь это не скоро получится. Но я обещаю прийти, как только все разрешится.

Девушка отпустила его рукав и печально вздохнула: – Да, конечно. Я подожду. Желаю тебе удачи.

Кан немного постоял, глядя как удаляется Советница со своими телохранителями, и вздохнул – ему тоже не хватало того тепла и открытости, что были между ними в детстве.

Когда погиб его отец, Старший Префект Законников и родной брат правителя, они с матерью перебрались во Дворец. Ему было семь лет и Кан тогда только начал учиться. Когда каждый девятый день учеников отпускали по домам, Кану приходилось возвращаться в незнакомый двор, полный чужих людей. Пока матушка предавалась горю, мальчик в одиночестве бродил по улицам Дворца. То, что официально называется Дворцом, на самом деле походит на маленький городок со множеством строений и своей, особой, жизнью. Однажды, проходя мимо пруда, Кан заметил, маленького ребенка, бесстрашно прыгнувшего в воду. Он успел, и вытащил хлебнувшего воды малыша.

– Ты зачем туда полез? Утонуть захотел?

– Я... Я хотела достать свою туфельку.

Волны отгоняли от берега детскую туфельку все дальше и дальше. Кан посмотрел на босые ноги малышки: – А теперь ты потеряла и вторую.

Малышка кивнула: – А теперь я потеряла и вторую. Ладно, пусть туфелька остается там и станет домиком для птичек.

– Птички не станут жить в твоей туфельке.

– Почему?

Наверное, именно ее любимое «почему» и сдружило их. Она могла задать миллион вопросов, но ему нравилось быть старшим и находить на них ответы. А может, Кан просто почувствовал себя очень нужным хоть кому-то. Он узнал, что мамы у девочки «уже нет», а собирать мозаику с няней ей неинтересно, поэтому она «ходит погулять» одна, пока кто-нибудь из взрослых не возвращает ее домой. Теперь, каждый свой выходной он приходил к пруду и всегда встречал там малышку. Каждую встречу Кан втыкал в землю девять палочек, а она каждый день вытаскивала по одной, чтобы знать, когда он сможет прийти в следующий раз. А потом его матушка приняла титул Главы Дома, и Кан был официально представлен Хранителям как член семьи. Торжественная церемония была сорвана, когда трехлетняя Советница спрыгнула со своего высокого кресла и побежала ему навстречу. Это очень позабавило Гос-

подина Хранителя Печати и здорово разозлили матушку, для которой эта церемония была первой, подготовленной ею в новой должности. Она требовала от всех, и особенно от сына, неукоснительного соблюдения дворцового этикета. Но правитель первым нарушил правила, попросив называть его дядюшкой, когда они остаются одни. Дядя всегда был в курсе его дел и часто «ненароком» встречался с Каном, когда тот шел от пруда после встречи с Айю, чтобы вместе прогуляться по саду и поговорить о «мужских» делах. А иногда они собирались втроем, смеялись и рассказывали друг другу то, что казалось им интересным. Да, дядя и в самом деле постарался заменить ему погибшего отца. С наследницей соблюдать этикет было еще сложнее. Когда Кан впервые назвал ее «дайна Советница», она посмотрела на него печальными глазами, и заявила, что обязательно заболит, если он еще раз так ее назовет. Так жизнь Кана разделилась на разные части. В одной части он учился, обретал новые знания и друзей, и был маленьким зернышком в общем колосе. В другой части у него были любящие сестра и дядя, всегда готовые поддержать его и подумать вместе с ним над любым вопросом, который его занимает. И в третьей части жизни Кана была матушка, требовательно подчеркивающая его высокий статус и никогда ни в чем не сомневающаяся.

Пока Кан учился, у маленькой Айю появились новые друзья – дети дворцового садовника. Но Кан не захотел знакомиться с ними, сославшись на этикет. На самом деле, он просто побоялся стать лишним в жизни девочки. Та почувствовала его неприязнь, сделала свои выводы, и больше никогда не рассказывала Кану о других частях своей жизни, по-прежнему, посвящая каждый десятый день ему. Когда Айю исполнилось семь лет и она стала учиться, матушка, как Глава Дома, заявила, что Советница – официальное лицо, и до достижения совершеннолетия, обязана носить вуаль везде, включая Дворец, открывая лицо лишь перед Хранителями. Довольно трудно было привыкнуть видеть только глаза Айю при разговоре, лишь догадываясь, что вот сейчас она забавно морщит носик, собирая вместе золотые брызги веснушек, или, от нетерпения, сердито покусывает губу. Когда Кан перешел в лицей, он стал меньше времени проводить во Дворце, и больше с друзьями-подростками. Но по-прежнему, каждый десятый день он приходил к пруду, чтобы оставить короткую записку Айю и забрать подробное письмо от нее. Когда Айю перешла в женский лицей, она спрятала под вуалью все лицо и ее характер стал портиться – иногда она встречала его с радостью и засыпала вопросами о его жизни, а иногда вела себя слишком скованно и отмалчивалась весь вечер. А потом у Кана появилась еще одна часть его жизни.

Горный массив в Саккаре был довольно крутой. И хотя не так-то просто было добраться до плато с древней крепостью, даже потайная тропинка хорошо охранялась. Четырех путников в одежде дворцовой стражи всю дорогу сопровождали птичьи трели, от начала подъема и до ворот крепости. Когда Старший Охраны, единственный из всех с открытым лицом, подошел к воротам, он даже не поднял руки, чтоб постучать. Окошко в дверце открылось, охранник долго изучал закрытые лица спутников Старшего, но те даже не пошевелились, чтобы показать лица. Дверца открылась без единого слова, и путники вошли. Все жилые и подсобные помещения крепости были вырублены в скале, а относительно ровная площадка была превращена в полигон для отработки боевых навыков. И сейчас молодые люди в темно-серой одежде с черными разводами, группами по пять человек отрабатывали разные приемы под присмотром Наставников. Здесь правило скрытого лица соблюдалось предельно строго – открывать лицо при общении допускалось только с Наставником и своей пятеркой. Никто не стал отвлекаться на прибывших, когда они поднялись по подвесной лестнице в комнату Старшего Школы. Гости вошли не постучавшись, поздоровались молчаливым поклоном. Старший Охраны опустил на стул: – Есть новости?

Старший Школы открыл ключом толстую дверцу шкафа, взял один из свитков. Все подошли к столу.

– Вот здесь мы обнаружили небольшое заброшенное поселение. Охраняется военными. Подходы мы пока ищем. Я расставил наблюдателей вот здесь, здесь, и здесь. Ближе пока не получилось – мы обнаружили посты и не стали тревожить их охрану. Вчера приезжал самоход, водильщик показал бирку, по которой его пропустили. Похоже, привез продукты.

– Самоход? Наблюдатель сможет опознать водильщика?

– Вряд ли, далеко было. Но он точно был в желтом сюрко.

– Работник Дворца. Даже если мы найдем его – он ничего не скажет.

Один из охранников спросил: – А здесь есть еще какие-нибудь поселения? Может кто-нибудь «заблудиться» и «случайно» выйти на них?

– Слишком опасно. – Старший Охраны покачал головой. – Если они причастны к похищению, то будут настороже и могут убить его просто, чтобы не рисковать.

– Вдоль дороги спрятаны три поста, «случайно» пройти мимо них не получится. – Подтвердил Старший Школы. – И еще. Военные обыскали охотничьи угодья, но следов не нашли. Либо не особо искали, либо...

– Либо есть тайный проход. Военные ушли из леса?

– Еще рыщут.

– Что ж, не густо. И опять следы ведут во Дворец.

Глава 2.

Эрим поднял с земли скомканный лист бумаги и быстро сунул его в карман. Как всегда, он с телохранителями бродил по городу, заглядывал в торговые лавки и ремесленные мастерские. Смотрел. Расспрашивал. Но чаще просто слушал. Особенно охотно зиндарийцы собирали сплетни о жизни Дворца. Хотя богатым уловом все-же похвастаться пока не могли. Свой интерес они объясняли желанием встретиться с управляющим Верховной, предложить прямые поставки дорогих изысканных тканей для правителей и свиты. Ответ всегда был один – им советовали обратиться в Купеческий Дом, что на Городской площади. Но чтобы обратиться к Купеческому Клану, не нужно было пересекать океан, саккарские купеческие представительства есть в каждом большом городе Зиндари.

В этот раз прогулка зиндарийцев оказалась довольно короткой. Сегодня весь город гудит – ночью кто-то обклеил всю рыночную площадь листовками. Городская стража поспешила их сорвать, но без особого успеха – перед каждым приклеенным листком собиралась толпа, которую приходилось расталкивать, так что многие успевали прочесть написанное. Вдобавок, листовки были не только приклеены на стены лавок, но и разбросаны по всему городу. Люди подбирали их, прятали, и зачитывали вслух, как только стража отходила на приличное расстояние. Из того, что понял Эрим, листовки призывали всех на Главную площадь, требовать отставки Верховной Хранительницы Мудрости. Говорилось, что она слишком стара и давно потеряла память, но Хранитель Печати скрывает это, чтобы не расставаться с властью. Советница слишком молода и легкомысленна, именно ее ошибки привели к постоянным дырам в бюджете. Как итог – народ должен выбрать новую Верховную Хранительницу и сформировать новое правительство.

Люди повсюду обсуждали прочитанное. Одни соглашались, что в последнее время были сбои с государственными выплатами, другие вспоминали о чиновниках, отправленных на переработку, как свидетельство хорошей работы правительства. Третьи доказывали, что при мудрой Хранительнице взятки у чиновников невозможны, и Верховную стоит заменить, но Хранителя менять, до обряда Испытания, все же не стоит. Четвертые вспоминали, что «Основы незыблемы и постоянны, ибо это – Основы», а переворот внесет хаос и ухудшение жизни. В общем, рыночная площадь гудела, бурлила, о торговле забыли даже купцы. Зиндарийцы вернулись в гостиницу.

Эрим собирался отправить Исака к хозяину гостиницы с просьбой о лошадях, как вдруг увидел поспешно спрятавшуюся между хозяйственными постройками девушку. Ина закрывала лицо руками, и гость заподозрил неладное. Когда Эрим подошел с стене, за которой пряталась девушка, он увидел ее вздрагивающие плечи, и услышал тихие всхлипы.

– Что с тобой? Что случилось?

Ина быстро вытерла слезы и постаралась улыбнуться.

– Да, дайн. Вы что-то хотели? – Предательская слезинка покатила по щеке и девушка опять отвернулась, стараясь взять себя в руки.

Эрим заметил в ее руке скомканную листовку.

– Ты из-за этого так расстроилась? – Гость подобрал пустой ящик от овощей, поставил его вертикально и усадил на него девушку, сам присел рядом. – Исак, принеси воды.

Исак выглянул во двор гостиницы, встретился глазами с Атаром, жестом показал, что пьет воду, и вернулся на свое место, за спиной лорда.

– Похоже, что люди правы, когда говорят, что ты очень близка с принцессой. Это волнение чем-то может грозить и твоей семье?

– Какой принцессой?

– Прости, в моей стране наследницу правителя называют принцессой.

– Советница вовсе не глупа и легкомысленна, да и Верховной далеко до маразма. Может, физически она и слаба, но умом очень даже крепка. Не стоит верить тому, что здесь написано.

– Тем более, не вижу повода так расстраиваться.

Девушка вздохнула: – Я подумала о том, как обидно будет Советнице прочитать такое. Дайн, я вас очень прошу, не говорите моим родным...

– Прости, но я вынужден тебя огорчить, – подошедший Атар подал девушке чашу с водой. – Все уже успели прочитать листовки, хотя и старательно делают вид, что ничего не знают.

Девушка вздохнула: – Пожалуйста, не говорите моим родным, что я тоже читала.

Эрим подождал, пока девушка выпьет воду, и неожиданно сказал: – Услуга за услугу. Я спрячу тебя в своей комнате, пока не сойдет краснота с глаз, а ты расскажешь мне, как служанка могла подружиться с принцессой. Это ведь не может быть государственной тайной!

В комнате Эрим бережно усадил девушку в кресло, а сам сел напротив нее прямо на пол. Девушка немного подумала, и наконец, решилась.

– Вы правы, государственной тайной это не может быть, но говорить об этом все же не принято.

– Клянусь! Ни одно твое слово не выйдет из этой комнаты.

Ина еще раз вздохнула, собралась с мыслями, мягко покивала головой, и начала свой рассказ.

– Я расскажу вам то, что на самом деле случилось много лет назад, чтобы вам не пришлось собирать досужие домыслы.

Эрим смущенно опустил глаза – о связи хозяина гостиницы с семьей правителей они слышали на рынке, в самой гостинице никто даже не заикался об этом.

– Когда теперешней Советнице было три годика, ее мама носила титул Госпожа Хранительница. В это время она была беременна, и после рождения сына титул Верховной Хранительницы Мудрости должен был перейти от свекрови к ней. Титул Советницы прочили жене старшего брата правителя, который носил титул Старший Префект Законников. Да, дайн, в нашей стране не обязательно старший брат наследует Печать. Он сам отказался от титула, и Совет Старейших принял его отказ. При этом, отношения между братьями остались самыми теплыми, они часто собирались вместе, играли в мяч. Возле игровой площадки росла огромная древняя пиула, в тени которой любила отдыхать Хранительница. Мой отец был тогда про-

стым садовником во Дворце, и он несколько раз предупреждал, что пиула сгнила изнутри и ее нужно срубить.

Но правительница смотрела на зеленую крону, не верила ему, и не разрешала трогать дерево. Так вот, в тот злополучный день, братья играли в мяч, а Хранительница направилась в тень к любимому дереву, наблюдать за игрой. Вдруг раздался громкий треск, и половина ствола с огромной кроной стала падать прямо на женщину. Она растерялась, плюс большой срок беременности не добавлял ей сноровки. Мужчины бросились к ней, и старший брат, который был ближе, закрыл ее собой. Он погиб сразу. Толстый ствол, упавший с большой высоты, расколол его голову, как ореховую скорлупу. Правительница выжила, но упав, сильно ударились и у нее начались преждевременные роды. Очень тяжелые роды, которые она не пережила. Недоношенный мальчик родился слишком слабым, и не смотря на все усилия врачей, через два дня тоже скончался. Вот так трухлявое дерево унесло сразу три жизни. Такая неожиданная и нелепая смерть столь значимых людей принесла хаос в жизнь Дворца, и маленькая девочка оказалась почти без присмотра. Она бродила по Дворцу где придется, пока случайно не забрела в дом садовника, наполненный разновозрастными детьми. Она играла с ними до вечера, пока стража не нашла ее. Тогда и выяснилось, кто она такая. А на следующее утро она пришла опять. Так повторялось много раз, пока нянька девочки не решила пожаловаться Верховной на садовника, сманивающего наследницу в свой дом. Верховная расспросила всех о ситуации, уволила няньку и назначила жену садовника Кормилицей наследницы. И раз моя матушка считается Кормилицей наследницы, то и мы с ней считаемся названными сестрами. Хотя матушка и не кормила грудью наследницу, но зато любит она ее искренне, как родную дочь.

– Значит, люди на рынке не врут, когда говорят о вашей близости?

– Не врут. Но очень сильно преувеличивают.

– Ина, прости, что вынужден просить об этом. Ты могла бы передать наследнице мое письмо?

– Нет.

– Это всего лишь письмо. Оно ни к чему не обяжет...

– Нет. Наследница не занимается закупками. Всем, что необходимо для Дворца, занимается Глава Дома и ее управляющий. А с ними, как вы понимаете, я вместе не росла.

– Прости, я подумал...

– Что мы продолжаем постоянно видеться с Советницей? Не будьте столь наивны. Помните, какая разница между нами. У Айю сейчас второй ранг, а у моей семьи – седьмой. И тот получен лишь благодаря ее стараниям. Да, наследница практически жила с нами – до семи лет, когда она пошла в училище. Поначалу она забегала в дом садовника в каждые выходные, потом реже. После четырнадцати лет у нее появилось много новых обязанностей, ей уже не до детских привязанностей. И мы уже не живем во Дворце. Нет, она, конечно же, помнит о нас, и любит. Но сейчас ей самой не просто приходится.

– От чего же?

– Вы ведь иноземец, и плохо разбираетесь в наших традициях... То, что Айю, осталась единственной наследницей – большая проблема для нее. Она не может получить титул Хранительницы, который получает жена Хранителя. Сейчас она носит титул Советницы, но в следующем году ей исполнится двадцать один, а Совет Старейшин должен будет объявить нового Хранителя Печати. И судьба нашей Айю будет полностью в его руках.

– Прости, может, это глупый вопрос, но если бы дерево не упало, но родилась девочка? Что тогда было бы со всеми этими титулами?

Ина пожала плечами: – Я не знаю, как это объяснить, но в нашей стране мальчиков всегда рождается больше, чем девочек. Приблизительно, пять к одной. Семьи, как моя, где есть две девочки, считаются благословенными самим Создателем, настолько это большая редкость. Но даже в моей семье на двух сестер пятеро братьев. Поэтому в Купеческом и Военном Кланах

так много жен-инозенок. Ваши соотечественницы становятся здесь желанными женами – ведь за ними не тянется шлейф родственников, с которыми нужно считаться.

Эрим улыбнулся: – У меня три сестры и один брат.

Девушка округлила глаза: – Целых три сестры?

– Угу. Но шумят они, иногда, как все десять. Иногда мне кажется, что они могут заболтать человека до сумасшествия. И я просто от них сбегаю. Прости, я отвлекся. А если принцесса захочет выйти замуж?

– Ей придется захотеть того мужа, которого одобрит Совет.

– А почему нужно выбирать Хранителя? Ваш правитель уже настолько стар? Разве у него нет родственников, способных наследовать правление?

– Дайн, в Саккаре каждый Хранитель Печати может править не больше тридцати лет. Чаще всего, смена власти происходит лет через двадцать пять, когда старший сын достигает совершеннолетия. Тридцать – это чтобы дождаться совершеннолетия младшего.

– Но зачем? Если правитель вполне здоров и разумен...

– Древние считали, что только молодые правители горят идеей улучшить свою страну. Через двадцать лет воодушевление угасает, ответственность становится рутиной, а власти хочется все больше.

– Хм, а мне казалось – чем больше опыта у правителя, тем лучше.

– Так ведь бывшего Хранителя никто не гонит из Дворца. И титул Старшего Советника как раз подчеркивает его опыт.

– Но если всего через год будут выбирать нового Хранителя Печати, зачем сейчас призывать к смене Верховной?

– Да, это очень странно. У меня есть только одно объяснение – тот, кто рвется к власти, не уверен, что сможет получить ее законным путем. Возможно, надеется на помощь новой Хранительницы.

Военный Глава второй день в задумчивости мерил шагами комнату. *Кому пришло в голову свергнуть старуху меньше, чем за год до Обряда Испытания? Он сам часто общался с ней и никаких признаков слабоумия или забывчивости не заметил. Наоборот, с возрастом она стала еще пронзительней. С тех пор, как женился ее старший сын, Военный Глава всегда мысленно называл Верховную «старуха», хотя она была старше его всего на пять лет. Это была его маленькая месть за отвергнутую юношескую любовь. Тогдашняя Айю (внучке, по обычаю, досталось по наследству бабушкино имя) была не только ошеломляюще хороша, но еще невероятно умна и обходительна. Наставники по праву считали ее звездой своего Клана. Юный Гем был далеко не единственным, кто сбежал после отбоя из казармы, чтобы просто постоять под ее окнами. И не единственным, кто напился до беспамьятства в день, когда она приняла титул Хранительницы. Как бы то ни было, Военный Глава, сопровождавший ворчанием любое ее решение, в глубине души бережно хранил память о прежней Айю и теплое к ней отношение.*

Старый воин сел в кресло у окна и рассеяно потер так не вовремя разнывшееся колено. *«Кто мог быть подстрекателем к перевороту? В Клане Хранителей Кан самая первая кандидатура на право Печати, и по крови, и по достоинству. Им нет смысла менять претендента. В Купеческом Клане самый властолюбивый это Глава Клана. Но хитрец Цак прекрасно понимает, что даже если он попытается подкупить весь Совет Старейших, никто не станет устраивать переворот для того десятка лет, которые которые Цак будет держаться за Печать. Ни одному из его сыновей его оборотистость не досталась, а потому им не светит даже главенство в Клане, не то, что Печать Хранителя. А без поддержки всего Купеческого Совета, никому из купеческих сыновей не прыгнуть так высоко. И на пустую забаву Глава Купеческого Совета не станет тратить и медной монеты. Так что, остается только Военный Клан. Ни один из моих сыновей, достигнув брачного возраста, не изъявил желания взва-*

лить себе на плечи заботу о государстве. Сейчас мой старший сын – шпионы донесли – увлекся новой содержанкой и каждый вечер пропадает в Доме Веселья. Он слишком простодушен и прямолинеен, чтобы плести интриги исподтишка. Второй сын – что ж, у него достаточно и ума и амбиций, но он слишком честен и никогда не нарушит слово. Тем более, что я никогда не скрывал, что именно его вижу своим преемником. Тогда кто? Третий сын? Этот чудачковатый мальчишка (Глава, с легкостью, называл мальчишками всех моложе тридцати, а заодно и своего младшего сына, который, уже четыре года, как должен был перейти, по собственным меркам Главы, в мужчины) чуть ли не изгой в собственной семье. Он с головой зарылся в чертежи, мечтая построить самый быстрый корабль в мире. Так кто же? Мальчишка Рас, старший внук, – вот он, действительно, достоин Печати. После нескольких недавних расследований, показавших Раса с самой лучшей стороны, о нем заговорили, его признал весь Клан. Именно это подтолкнуло Главу к мысли о смене Хранителя и Испытания. Если бы не упрямство мальчишки, в этот раз Печать вполне могла бы перейти в Военный Клан».

В истории Саккара наследники Военного Клана часто выставляли свои кандидатуры на Испытаниях за право Печати. И четырежды становились правителями. На протяжении веков Военный Клан и Клан Хранителей соперничают за могущество с переменным успехом. Поэтому, когда Рас появился в Столице и оказался ровесником Кана, многие жены министров захотели подружиться с матерью Раса. По настоянию Вещуньи, Раса отправили в лицей Законников, понимая, что это только усилит противостояние Кланов. И хотя на всех экзаменах мальчишки всегда шли голова к голове, врагами, как ожидалось, они не стали. Кажется, это даже сдружило их. Настолько, что, совсем недавно, когда пришло время отправлять корзины для голосования, Рас заявил, что не хочет проходить Испытания, и роль правителя ему не по душе. В своем упорстве мальчишка даже готов был отказаться от ранга, и Воевода отступил, решив дать внуку передышку на год, закон допускал повторное Испытание через год правления нового Хранителя. «А что если ему стал известен какой-то секрет, дающий Кану лазейку в открытом соперничестве? И он, все же, решил потягаться с Каном, но другим способом? Если подумать, у Кана только одно преимущество – он ближайший родственник Хранителя. И если это затея Раса, то как далеко он готов зайти? И насколько я готов ему помогать?»

Воевода потянулся к шнуру звонка, дернул два раза. Вошел Бор, второй секретарь.

– Пошли за Расом, я хочу его видеть. И возьми донесения на него.

Секретарь вышел и вошел с небольшой тетрадкой в руках.

– Есть что-то новое в его поведении?

– Новое за какой период?

– Говори!

– Последние три года ваш внук каждый вечер исчезает в неизвестном направлении. Стажеры ни разу не смогли за ним проследить, он умело замечает следы.

– Почему ты сразу мне не доложил?

– Я докладывал – вы махнули рукой, сказав: «Пусть мальчишка развлекается». Поэтому, опытных следопытов я посылаю за ним не стал.

– Значит, пошлешь. Я хочу знать, где он пропадает. Пошлешь трех самых лучших. Нет, пятерых, но чтобы отследили каждый его шаг. Ступай.

Полководец возбужденно потер руки: – Неужели, мальчишка затеял Большую Игру? Что ж, прикинем, какой у нас расклад.

Заброшенная деревушка получила вторую жизнь. Первые два дома у края дороги так и остались пустыми полу-развалинами, остальные дома были отстроены заново и обжиты. Вместительная конюшня отсвечивала свежими дощатыми перегородками, а за ней начинался спуск в отработанный глиняный карьер. Две фигуры, густо перевязанные травой, распластались за кустом орешника, наблюдая, как на дне карьера усиленно отработывали приемы рукопашного

боя до тридцати мужчин в сине-коричневой униформе рекрутов военного Клана. Услышав знакомую птичью трель, разведчики медленно отползли назад, не привлекая внимания караульного на кромке карьера. К ним присоединились еще две такие же закутанные фигуры. Крадучись, перебежками, лазутчики добрались до заброшенного дровяного сарая в лесу, огляделись по сторонам, и только затем вошли в ветхое строение. Внутри они тоже тихо постояли, прислушиваясь. Один из них поднял большую корзину с ветошью, стоявшую в углу, открывая другим узкий спуск в подпол. Спустившись последним, он привычно поставил корзину на место, закрывая вход от посторонних глаз. Небольшое помещение освещалось через широкие щели помоста, ведущего к дверям сарая, и установленного именно для этих целей.

– Говорите.

– Двадцать лошадей, на всех клеймо городской конюшни.

– Арсенал. Два десятка пик, тридцать арбалетов, около сотни болтов к ним, без опознавательных знаков, три игломета и по четыре полных обоймы к ним.

– Впечатляет.

– И на площадке не подростки-стажеры, а взрослые воины – похоже, готовятся серьезно.

– Похоже. Доложишь обо всем Старшему Школы, а мы возвращаемся.

Один из лазутчиков кивнул и повернулся к лестнице, но главный его остановил, прикоснувшись к руке: – Второй, пожалуйста, будь предельно осторожен. Эти люди уже убили шестерых, и никто пока не ответил за это. Они сейчас считают себя безнаказанными.

Когда корзина вновь закрыла проход, главный скрылся за висевшей поперек угла циновкой, а двое оставшихся достали из-под лестницы тюки с одеждой и переоделись в сиренево-коричневую униформу дворцовой охраны. Вскоре из-за циновки появилась девушка, одетая в сиренево-желтую форму дворцовой служащей, с желтой кружевной вуалью на лице. Парни отодвинули одну из панелей и все скрылись в потайном проходе.

Кан пришел навестить матушку в ее покоях. Как всегда в последнее время, она оказалась очень занята и ему пришлось ждать. После недавней травмы, Кан старался по-больше ходить, чтобы вернуть ноге прежнюю выносливость. Прохаживаясь в ожидании по комнате, Кан нечаянно задел и сбросил со стола пару свитков. Подняв их, он увидел, что это карта Дворца и карта охотничьих угодий, с отмеченным на ней местом происшествия. Когда вошла матушка, Кан внимательно рассматривал значки на карте.

– Матушка, что это? Зачем вам эта карта?

– Желаю здравствовать, Главный Секретарь.

Кан тяжело вздохнул: – Желаю здравствовать, Глава Дома.

Матушка была единственным ревностным исполнителем этикета во Дворце. Каждое утро она наносила на лицо маску из белил, хотя именно ей, по статусу, можно было ходить с открытым лицом. Если бы не торжественные мероприятия, где открытое лицо подчеркивало высокое положение, Кан, наверное, мог бы забыть, как выглядит на самом деле его матушка.

– Как, по-вашему, я могу управлять Дворцом, не имея карты?

– Но это не карта Дворца. Это карта охотничьих угодий. А они не под вашей опекой. И здесь обозначено место засады и нападения на обоз.

Матушка пожала плечами: – Разве я могу остаться равнодушной к такому происшествию? Я хочу быть в курсе событий. И это входит в мои обязанности. Вы давно были у бабушки?

– Откуда у вас эта карта?

Матушка нетерпеливо дернула плечом.

– Управляющий принес. Я спросила, давно ли вы были у бабушки?

– У Госпожи Верховной Хранительницы Мудрости? – Не удержался от колкости Кан, – вчера.

– О чем говорили?

– Ее как раз пришли навестить старые подруги. Так что мы мило поболтали о том, какой замечательной была жизнь лет тридцать-сорок назад. Мне рассказали несколько девичьих уловок, как привлечь внимание нужного парня. Потом долго спорили, почему мои глаза гораздо ярче, чем ваши, а волосы намного темнее. Ведь саккарской крови во мне больше, чем в вас.

– Вы же понимаете, что я спрашиваю не об этом!

– А о чем?

– Как отнеслась бабушка к сплетням о листовках?

– Никак. Мы не говорили об этом.

– ... Наверно, она не хотела показывать, как расстроена, посторонним.

– Матушка, вы кого-то подозреваете?

– А вы разве нет? Это же очевидно!

– Расскажите. Мне не очевидно.

– Это дело рук наследницы.

– Что? Как такое пришло в вашу голову?

– Сын! Подумай сам! Сейчас она имеет титул Советницы, и считает себя хозяйкой страны. Через год Совет Старейшин назовет нового Хранителя, и ее власти придет конец. Вот она и старается всеми способами спровадить бабушку в Обитель Старейших, а сама, сев на ее место, будет перекраивать законы под себя.

– Это невозможно.

– Сын! Очнись от наваждения! Ты все еще считаешь Айю босоногой малюткой? Разве ты не заметил, как сильно она изменилась за последнее время? Ты ни разу не замечал ничего странного? А я всегда говорила, что девчонка – змея, сидящая в засаде! Неужели ты забыл о Предсказании?

Как всегда, от матушки Кан вышел с головной болью. Он решил прогуляться по свежему воздуху, и столкнулся со свитой Советницы. Кан направился к сестре: – Доброго вечера, Госпожа Советница.

– Желая здравствовать, Главный Секретарь. – Айю церемонно поклонилась и прошествовала мимо него. Похоже, два охранника и горничная, поджидавшие на дороге, заинтересовали ее больше, чем он. *Да, Айю действительно, сильно изменилась в последнее время.*

Глава 3.

Форма дворцовой охраны – сиреневая туника и коричневый сюрко, черные кожаные нарукавники, сапоги и портупея – служила прекрасным прикрытием в городе, среди множества таких же охранников. Для леса она была слишком пестрой, но зато давала право не отвечать на вопросы и прятать лицо. Кан, в униформе рядового дворцовой охраны, подъехал к месту нападения. Сейчас здесь следы искать бесполезно. Кроме нескольких темных пятен в пыли он ничего не увидел. Кан направился в лес, к ручью – к тому месту, где на матушкиной карте стоял непонятный значок. Один берег довольно широкого ручья был пологим, другой представлял собой невысокий каменистый обрывчик. Кан привязал лошадь у куста и вошел в ручей. Он внимательно осмотрел вдоль каменный край утеса, затем вернулся, и осмотрел еще раз. Так и есть. Если знать, что искать, то можно найти две ровные вертикальные трещины. Кан навалился на камень у одной трещины, затем у другой – ничего. Он осмотрел стену еще раз и попробовал потянуть за толстый корень, торчащий между камнями, – и стенка поддавалась! Кан потянул сильнее и обнаружил дверцу, замаскированную под стену утеса. Проход был достаточно просторный, чтобы провести лошадь, но Кан только взял из вьючной сумки лампу и игломет, накинул на плечо ремень обоймы, погладил морду лошади и вернулся к проходу.

Включив лампу, Кан осмотрелся у входа: стены выложены камнем, обильно поросшим мхом – проход, похоже, очень старый. В полу вырублены довольно широкие ступени – лошадь вполне могла по ним пройти. И судя по состоянию мха, не так давно проходом воспользовались. Кан потянул за корень, закрывая за собой дверь и скрылся. Спустя какое-то время кусты орешника, росшие на противоположном берегу ручья, зашевелились, пропуская двух человек в темно-синей, с черными разводами, форме военных разведчиков. Они осмотрели оставшуюся лошадь, тихо посоветовались и ушли. Им вслед с дерева раздалась птичья трель, немного погодя, вдалеке прозвенел ответный сигнал. Бесшумно, словно белка, с дерева спустился еще один лазутчик, в серой одежде Школы. Он подошел к лошади и внимательно осмотрел ее. Судя по сбруе, лошадь не из городской конюшни, а из дворцовой, а то как она косилась на посторонних, говорило, что хозяин у нее только один. Приблизился еще один разведчик в серой униформе.

– Уехали оба?

– Да. Один по дороге к городским воротам, другой по лесу на запад.

– Доложи. И скажи, что проход нашел еще один, в форме стражи Дворца. Лица я не видел, но судя по лошади, он не из рядовых, и сейчас он там.

Старший белкой взлетел на дерево и затих там, а младший побежал в сторону дороги и ловко взобрался на скальную стену.

Подземный ход оказался безлюдным и не слишком извилистым. Когда начался медленный подъем вверх, Кан насторожился, стал прислушиваться и опять поднял на лицо ворот капюшона. Широкие ступени привели к каменной кладке. Молодой человек налег на каменную дверь, и она медленно, но тихо отворилась. Кан огляделся. Похоже, сейчас он находился в каком-то заброшенном сарае, где-то вдалеке слышался шум голосов, но вблизи было тихо. Три стены небольшого сарая были из каменной кладки, одна – из старых, не плотно пригнанных досок. Кан заглянул почти в каждую щель. Похоже, эта стена сарая была обращена на городскую стену. Удивительно, но наружный засов легко открывался изнутри, через выдолбленный паз и стержень. Послышались шаги – несколько человек поднимались по ступеням на крышу сарая, а затем еще выше.

– Смену сдал.

– Смену принял.

Вышка! Он находится в подножии охранной вышки у стены города. Кан положил в угол игломет, обойму и фонарь, быстро забросал их густо разбросанным по полу сеном, прислушиваясь к шагам сменившийся стражи. Затем осторожно приоткрыл дверь и осмотрелся. Рядом с вышкой находилась караулка, куда сейчас вошли стражники для отдыха, а дальше – купеческие склады и рыночная площадь, заполненная людьми. Кан тихонько закрыл дверь, и с видом очень занятого человека прошел на рынок. У последнего склада сидел грязный оборванец, возившийся с лаптем, пытаясь его подлатать с помощью соломы. Но когда Кан прошел мимо, оборванец сунул драный лапоть за пазуху, вытащил оттуда целый, натянул на ногу и отправился вслед за парнем. Он не очень торопился, заглядывал жадно в каждую кадушку, пялился на дорогие товары в лавках, но при этом ни разу не упустил Кана из виду. Проводив его до городской конюшни, он сунул свой нос и туда, едва не столкнувшись с выезжающим Каном. Нищий проводил его взглядом до городских ворот, затем вошел в конюшню и показал дежурному бирку Военного Дознавателя.

– Человек, что только что выехал – что за бирка, по чьему поручению?

– Стража Дворца, по поручению Главного Секретаря.

К воротам постоянного двора осторожно приблизилась женщина в крестьянской одежде, опасливо заглянула во двор. За ней следом подошел мужчина, бережно поддерживающий хромого подростка. Он остановился, давая передохнуть больной ноге сына.

– Может, поискать что-то поменьше? Лавку какого-нибудь торговца?

Женщина покачала головой: – В большом заведении всегда работы больше. Хотя... да, ты прав, и требований здесь может быть больше. Но, я думаю, попробовать стоит.

– Вы кого-то ищите, дайна? Дайна Нака, помощника судьи? – Мин возвращался с рынка с корзиной пряностей, остановился возле них.

Женщина осмотрела его фартук, корзину: – Ты здесь работаешь?

– Да. – Мин попытался улыбкой подбодрить встревоженную женщину.

– А ты не знаешь, хозяину не нужны еще работники? Мы ищем работу.

– Работу?

Мин очень удивился: обычно крестьяне крепко держались за свою землю. Чтобы согнать их с места и заставить идти в город, искать работу, должно случиться что-то чрезвычайное. Мин осмотрел бледного подростка с недавно отстриженным хвостиком волос. Он был явно измучен, губа разбита, на виске огромный синяк.

– Дайн, пройдемте. Думаю, вашему парню лучше присесть. – Мин всучил свою корзинку растерявшейся женщине, закинул вторую руку парня себе на плечо и повел их во двор. Усадил мужчину с подростком за ближайший свободный столик и огляделся. Мать Мина как раз выходила из курятника.

– Матушка! Кажется, им нужна помощь.

Дайна Юла подошла к ним, поставила корзинку с яйцами на стол: – Что случилось?

– Вот! – Мин показал на парня. – И еще они ищут работу.

Матушка осмотрела гостей, села за столик и сказала: – Для начала, принеси три тарелки супа. И подготовь комнату на первом этаже.

Женщина вернула Мину корзинку с пряностями и торопливо приблизилась: – У нас есть деньги, мы можем заплатить за еду и ночлег. – Но когда женщина увидела яйца в корзине, на глаза ей навернулись слезы.

Дайна Юла улыбнулась: – Вот и замечательно. Присаживайтесь, отдохните и расскажите, что с вами приключилось.

Гости уже отдыхали в своей комнате, когда пришли Ани и Дин. Мин позвал их в комнату, где собрался семейный совет. Там они узнали, что гости пришли из государственной деревни, где прожили всю жизнь, работая на правительство. Два года назад, в деревню назначили нового управляющего, который сразу стал устанавливать свои порядки. Ссылаясь на указания из Дворца, он несколько раз опускал расценки, одновременно поднимая нормы. Крестьяне начали роптать, но управляющий показывал им свою бирку, и говорил, что действует строго по указанию правительства. А их недовольство приравнивается к бунту и всем им грозит переработка. Самым строптивым и вовсе стал совать палки в колеса: не давал лошадей на поездку в город для продажи своей доли товара, занижал количество получаемых брикетов, да и при распределении старался оставить им самые плохие овощи и зерно. Вот и они впали к нему в немилость. Как раз два года назад, эта семья женила старшего сына, они построили ему дом и разделили хозяйство, подписав договор с новым управляющим на заем и рассрочку выплаты. Весь прошлый год обе семьи жили затянув пояса, стараясь поскорее выплатить долг. Но, как выяснилось, проценты по долгу оказались в три раза выше, чем сам долг. Недавно управляющий праздновал новое назначение своего сына, пригласил из города много гостей, и прислал свою охрану, чтобы забрать всех кур из их курятника, в счет погашения долга. Когда муж попытался им помешать, говоря, что ничего этого не было в договоре, его ударили, сбили с ног. Младший сын выскочил на защиту отца, стал требовать справедливости, но его избili еще больше. Они всю ночь думали, что делать дальше. А утром глава семьи пошла к управля-

ющему и спросила, сколько еще они ему должны, и сколько стоит их дом. Возможно, если бы во дворе управляющего не было столько посторонних людей, вряд ли он отдал бы им договор. Но в присутствии своих гостей, тот вынужден был признать, что долг выплачен, и их семьи ничего ему не должны. Распродав соседям остатки своего имущества, они разделили деньги со старшим сыном и ушли из деревни. Теперь крестьянская семья пришла в Столицу в поисках работы и жилья, в надежде, что со временем, им удастся забрать сюда и старшего сына с невесткой.

– Что ж, работу я им, конечно, найду. – Госпожа Юла осмотрела двор гостиницы. – Но вот мальчишке, кажется нужен лекарь. Мин, завтра с утра сбегаешь в городскую лекарню.

– Нет. Мы сделаем по-другому. – Ани говорила тихо, но твердо. – Завтра в полдень наследница поедет в Купеческий Дом. Мин, ты в это время поведешь парня в лекарню. Постарайся, чтобы наследница обязательно увидела его. Обязательно. Сможешь? – Мин кивнул.

В третий раз пустив стрелу мимо цели, Военный Глава сердито отбросил лук, развернулся и с досадой ушел со стрельбища. Он пришел сюда, чтобы отвлечься, но невеселые думы мешали сосредоточиться и его стрелы трижды отклонились от центра мишени. Такого он никогда раньше себе не позволял. Заложив руки за спину, военачальник с хмурым лицом шел по верхней площадке крепостной стены, заставляя караульных замирать от его угрюмости. Но Военный Глава досадовал не на них, а на себя. Накануне военачальник позвал двух старших сыновей, чтобы обсудить ситуацию без посторонних ушей. Но его первый сын, не вникая в причины вызова, с порога начал так старательно врать, глядя отцу в глаза, как много у него работы, что Военный Глава пообещал выгнать из страны ту Хризантему, у которой сын проводит целые дни в Доме Веселья, сбросив расследование на младших офицеров.

Прогнав старшего, и оставшись со вторым сыном наедине, Глава прямо спросил, кто, по его мнению, может быть зачинщиком смуты. И был сильно раздосадован, когда сын, не колеблясь, назвал Раса.

– Все знают склонность Раса к поспешным решениям – что, если он пожалел об отказе от Испытания, но гордость не позволяет признаться в этом? Да и время посылать корзины голосования уже упущено. Остается только переворот. И самое подозрительное – мальчишка каждый вечер скрывается в ремесленном квартале и ловко уходит от слежки.

– Плохие у тебя шпионы. Мальчишка каждый вечер встречается с лекарской девчонкой низкого ранга. От того и прячется, зная, что никто не одобрит этого увлечения. Возможно, Рас и порывист в своих решениях, но от данного слова никогда не отступал, даже в детстве. И ты хочешь сказать, что теперь он так возжелал власти, что с легкостью отнял жизни у шестерых охранников? Разве не ты отбирал воинов ему в подчинение? Что они говорят?

– Они ничего не знают.

– Тогда ему пришлось бы искать помощников на стороне. Судя по умениям, или в городской страже, или среди охраны Дворца. Думаешь, такое возможно?

Сын нехотя соглашается:

– Вряд ли. Только, если Рас решил отказаться от Клана. Но тогда он участвовал бы в заговоре не в свою пользу.

– А в чью? Кому выгоден переворот?

– Тогда... только наследнице. Если она решила занять место Верховной. Но листовки говорят не в ее пользу.

– А кто еще может претендовать на место Верховной?

Сын пожимает плечами:

– Может, ... сестра?

– Глава Дома? Которая мысленно уже надела Солнцеликий Обруч на голову своего сына? Я скорей поверю, что она станет устранять соперников Кана, чем мешать ему пройти Испытание.

– А что если... – сын собрался с духом и выдал казалось бы, невероятное, – Это только видимость переворота? Передать титул Верховной напрямую Советнице, минуя Хранительницу, Основы не позволяют. Но если обвинить Военный Клан в попытке переворота, то такой шаг можно оправдать необходимостью защиты самих Основ. Вспомни, отец, погибли пять охранников из Военного Клана, и только один Законник.

– Что ж, если это так, и если у них получится – и власть окажется в их семье на долгие годы, и Военный Клан потеряет свою честь и влияние в Совещательном Совете. Но тогда к этому должен быть причастен лично Хранитель... Или Советница получила власть над его личными тайными воинами. Что ж, при его потакании наследнице, такое кажется вполне возможным. Подозреваю, что они и есть те самые «Тени».

Теперь воевода был несказанно зол. С одной стороны – если догадка верна, то семья Хранителей, вопреки Основам, собирается устроить кровопролитие в стране. И только ради того, чтобы поднять статус наследницы. С другой стороны – особой необходимости в этом нет. Ведь, когда Рас отказался от Испытаний, у Кана не осталось достойных соперников. А уж Кан точно, не станет лишать сестру титула. Да и прежние решения Хранителя говорили скорее о стремлении к равновесию в стране, чем о желании власти. *Значит, есть что-то еще, чего он не знает.*

Воевода всегда отмахивался, когда дочь, живущая во Дворце, начинала жаловаться на интриги Советницы. *А что, если дочь оказалась права? Что, если сопливая девчонка оказалась хитрей и амбициозней, а он, Военный Глава, не сумел ее разгадать?* Конечно, старый воин не особо к ней и присматривался. Она всегда была ровной и бесстрашной, встречались ли они в Совете или на каком-либо празднестве. *Ну что ж, наследнице уже двадцать, и она решила показать свои зубки? Если это, действительно, ее интриги.* Все зацепки, которые смогли отыскать военные следопыты, вели во Дворец. Но ни одна из них не подтверждала вину наследницы напрямую. Не дожидаться же, когда та выступит в открытую и устроит в стране переворот и гражданскую войну? Военный Глава не сомневался в выучке своих воинов, но если вся дворцовая стража на стороне наследницы, то крови прольется немало. Кажется, городская стража пока не втянута в противостояние, но кто знает, как далеко на самом деле заговор протянул свои щупальца. *Нет, этот вариант заведомо проигрышный. Нужно подстроить девчонке ловушку, пусть сама себя раскроет.*

Военный Глава развернулся, и так же угрюмо зашагал в обратную сторону. Да, кровопролитие само по себе вещь ужасающая, но сейчас оно особо не вовремя, и Хранитель не может не понимать этого. Нбруланд, их западный сосед, опять бряцает оружием. За последние одиннадцать лет, им удалось увеличить свои границы за счет двух соседних государств и Саламских островов. Восемь лет назад харуз Норуланда провозгласил себя императором, подчинил жизнь всей страны военной диктатуре, и похоже, сейчас оглядывается, в какую еще сторону направить свой аппетит. Саккар, остров-государство отделен от них океаном, но вдвое меньше по населению. И благодаря климату и большой территории может показаться лакомой добычей. А вот Зиндэрия граничит с ними напрямую. Король Зиндэрии последовательно усиливает свою армию, скупает вооружение. Несколько раз зиндэрийцы присылали письма с просьбой продать им партию иглометов. Но Глава Купеческого Совета каждый раз ссылался на секреты Военного Клана и даже не докладывал об этом Хранителям. Шпионы доносят, что сейчас король Зиндэрии подыскивает «вкусное» предложение для него или для Хранительницы, чтобы получить тысячу этих самострелов. Только в Зиндэрии они будут бесполезны – для зарядки оружия нужны брикеты. А уж секреты брикетов Верховная никому не откроет – это Основы. Только Хранительница владеет секретом изготовления брикетов.

Игломет и в Саккаре довольно дорогое оружие, разработанное всего четыре года назад. И да, секретом его производства владеет только Военный Клан. Внешне он выглядит как металлическая труба диаметром с мужской кулак и длиной чуть больше локтя. Но стреляет эта труба железными иглами, длиной почти с ладонь. По сравнению с арбалетом, точность стрельбы у игломета меньше, хотя разят иглы на таком же расстоянии. А при попутном ветре и дальше. Но вся привлекательность игломета в том, что он может бесшумно выпустить сразу десяток игл, либо одним залпом, либо поочередно, на четыре счета. Ковать иглы и вкладывать их в катушки, а затем в обоймы, есть много мастеров. Но пока только четыре оружейника владеют наукой собирать иглометы. Военный Глава открыл дверь в комнату секретарей, сказал через порог: – Мне нужны карты округа, бумага, Старший Оружейников, и через два асура соберите мне генералов на Совет. – Закрыл дверь и быстрым шагом прошел в свою комнату. Пожалуй, это решение сейчас наиболее важное, девчонкой он займется на досуге.

Глава 4.

Мин готов был провалиться сквозь землю. Он медленно вел через площадь хромающего крестьянского мальчишку и мысленно костерил себя на чем свет стоит. Нога у Хина распухла и болела все сильнее, а он, Мин, вместо того, чтобы позвать лекаря, тащил мальчишку в лекарню. Мин прекрасно знал, что в *его* дом, по первому зову, явится не только городской лекарь, но и сам Старший смены. Но ему надо обязательно показать мальчишку наследнице. Мин досадливо оглядел площадь. Кorteж Советницы наконец-то выехал на площадь и медленно приближался. Мин облегченно вздохнул и остановился.

– Дорогу дайне Советнице!

Люди поспешно разошлись в стороны. Три самохода с высокими закрытыми балдахинами из розово-золотых полос двигались по оставленному для них коридору. Их окружали конные охранники в сиренево-коричневой униформе и капюшонах, закрывающих лица. Вообще-то самоходы быстро не ездят, но в этот раз Мин просто изнывал от нетерпения. Увидев среди зевак Эрима, Мин, обычно дружелюбный со всеми, скрипнул зубами: – Вот ведь, увязался.

Когда лошадь передового стражника, наконец, поравнялась с ними, Мин, со словами: «Прости, парень», просто вытолкнул Хина вперед. Неожиданность и больная нога не дали мальчику удержаться на ногах, и он упал на мостовую, громко вскрикнув. Самоход Советницы резко остановился, следующая повозка едва не столкнулась с ним. Двое охранников соскочили с лошадей, подхватили Хина под руки, подняли. Люди на площади загомонили, подтянулись по-ближе, стараясь рассмотреть происходящее. Только Мин, весьма довольный собой, постарался выбраться из толпы. Не особо торопясь, и не слишком скрывая удовлетворение на лице, Мин направился к гостинице.

Ни одно из движений Мина не ускользнуло от внимательно наблюдавшего за ним Эрима. Легкий в общении и тактично любознательный, Эрим легко подружился с хозяевами гостиницы и навещавшими их детьми. Всегда помня, что он здесь только гость, Эрим больше наблюдал и слушал, и только потом задавал вопрос: – А правильно ли я понял?

Сегодня утром он с интересом наблюдал необычный спектакль во дворе гостиницы. Вместо того, чтобы пригласить лекаря в дом, как несколько дней назад, когда соседской старушке стало плохо, вся семья хозяина гостиницы наперебой убеждали новых постояльцев, что в лекарню нужно идти только в определенное время и только к их знакомому лекарю – иначе их и слушать не станут. Затем, Мин взялся проводить приезжего мальчишку в лекарню, причем непременно сам, без посторонней помощи. Когда отец парня стал настаивать, что он тоже пойдет, госпожа Юла быстро нашла для него срочную работу. Но когда Эрим, с огром-

ной любезностью, предложил в помощь одного из своих «компаньонов», Мин, добрый и веселый подросток, злобно сверкнул глазами и, чуть не волоком, потащил мальчишку на площадь. Наблюдая за местными жителями, Эрим частенько удивлялся: как с такими мягкосердечными и милыми хозяевами, гостиница до сих пор не прогорела? Сегодняшнее необычное поведение всего семейства заинтриговало его и, кликнув телохранителей, Эрим пошел вслед за подростками. Мин явно кого-то ожидал, нетерпеливо поглядывая совсем не в сторону лекарни. Когда на площади появился кортеж Советницы, Мин успокоился и огляделся по сторонам. Заметив неподалеку от себя любопытных зиндарийцев, Мин потянул деревенского мальчишку в середину кучки набежавших зевак. Эрим лишь усмехнулся, увидев недовольство на лице Мина, – уходить он не собирался. Эрим подумал, что парень просто хочет скрыться от него среди людей, но тот вдруг, твердым, хорошо рассчитанным движением, просто вытолкнул хромящего мальчишку под ноги охране наследницы. Затем спокойно развернулся, и направился домой, едва не насвистывая от хорошо выполненной работы. *Будто только ради этого он и пришел на площадь.* Эрим кивнул Атару на парня, и тот поспешил следом за Мином. А зиндариец остался на площади с другим телохранителем, с интересом ожидая продолжения.

– Так! Что происходит?

Мужчина в сиренево-желтом одеянии, сидящий сразу за водильщиком, подошел к балдахину.

– Мальчишка выскочил на дорогу. Его допросят...

– Я хочу его видеть.

– Но, Госпожа Сов...

– Мне повторить? – Голос Советницы студен, как вода зимой в реках Зиндари. Мужчина махнул рукой – Хина подвели к самоходу. Одна их шторок балдахина поднялась вверх, люди вытянули шеи, но увидеть сидящих в нем не смогли.

– Что случилось? – голос уже не так холоден, как раньше, но эмоций в нем не добавилось.

Мальчишка настолько растерялся, что одному из стражников пришлось тряхнуть его за плечо, чтобы заставить говорить.

– Я... Я... упал... нечаянно.

– Тебя сшиб мой водильщик?

– Нет, нет! Это раньше! Я как раз к лекарю шел!

– Ты шел к лекарю?

– Да... дайна... Простите, что помешал вам.

Небольшая пауза, затем голос Советницы опять напоминает о стылой воде:

– Так, мы должны помочь ребенку. Посади его во второй самоход, к господину Ши.

– Но, дайна Советница!

– Мне повторить?

Так, скрипнув зубами, садится на свое место, а охранники, подхватив Хина за плечи, буквально поднесли ко второму самоходу. Процессия двинулась дальше по площади. Подъехав к Купеческому Дому, самоход Советницы остановился, остальные самоходы поспешно пристроились за ним вслед, вдоль стены. Конная охрана выстроилась лицами к зевакам, очертив полукруг вокруг кортежа и входа в Дом. Там уже ожидают несколько купцов в желто-зеленых одеяниях высшего ранга. Опять поднялась шторка и из повозки, не касаясь ступенек, выпрыгнули личные телохранители Советницы. Их одеяние – желтая туника, бордовый сюрко с капюшоном и нарукавниками, и высокие сапоги из светлой кожи, – резко контрастирует с одеждой других охранников. Только осмотревшись по сторонам, телохранители делают шаг в сторону и подают руки двум вышедшим дамам. Первая была одета в желто-бордовую униформу и белую островерхую шапочку. Вторая в широком розовом балахоне и шапочке, желтых, расшитых жемчугом, сюрко и нарукавниках. Лица обеих женщин закрыты кружевными вуалями. Из последней повозки выпархивают, словно птички из клетки, шесть девушек в знакомых желто-сиреневых

дворцовых одеяниях и с вуалями, закрывающими нижнюю половину лица. Быстро разобравшись по парам, девушки пристраиваются вслед управляющему наследницы, как утята на прогулке. Когда вся свита пестрой гусеничкой исчезла за воротами Купеческого Дома, сборище на площади стало потихоньку рассеиваться. Но Эрим не стал уходить, напротив, решил подойти по-ближе. Что-то в этой пестроте зацепило его взгляд, показалось очень знакомым, но он пока не осознал, что.

Зеваки, собравшиеся посмотреть на свиту наследницы, потихоньку стали расходиться. За все это время, Эрим впервые увидел выезд наследницы в город. *Чем закончится для деревенского мальчишки эта встреча? Пока это оказалось единственным действенным способом предстать пред очи Советницы. Неужели им тоже придется бросаться под колеса?*

По совету Ина, Эрим давно переоделся в местный наряд и стал завязывать на затылке короткий хвост кожаным шнурком. Одежда стажера Купеческого Клана – темно-зеленая туника и желтый сюрко с нарукавниками – сразу же избавили его от общества любопытных зевак на улице, а хорошее знание языка подарили возможность свободно вступать в разговоры с любым прохожим. Тем более, что по внешности он, с его волнистыми русыми волосами и карими глазами, и правда, больше походил на саккарца, чем на зиндарийца. Любимая шутка его семьи – «тебя нам подбросили саккарцы». К коротким бридгам и тунике с узкими рукавами, которую не нужно заправлять в штаны, Эрим привык не сразу, а вот сюрко с его внутренними карманами показался очень удобным. Да и легкие туфли вместо коротких сапожек больше подходили к здешней погоде. Теперь ничего не мешало Эриму притвориться местным жителем. Его слугам, темноволосым и зеленоглазым, в этом отношении было намного сложнее. Даже местная одежда не помогала скрыть их иноземность.

Когда на площади появился Мин, в сопровождении родителей Хина, Эрим даже не удивился, кажется, он ждал чего-то подобного, и приготовился смотреть продолжение спектакля. Он постарался найти место, откуда можно удобно наблюдать за происходящим, не слишком привлекая внимания к своему любопытству.

– Хин! Сыночек! – голос дайны Оха дрожит от волнения.

Шторка второго балдахина отлетает в сторону.

– Матушка! Я здесь! – Ошалевший от приключившегося, Хин кричит едва ли не на всю площадь. – Все хорошо, меня лекарь осматривает! Матушка! – Хин явно хочет еще что-то сказать, но шторку закрывают и из повозки выходит старичок с длинной седой косой и в шелковом, расшитом крупными цветами, халате с огромными, почти до земли, прямоугольными рукавами.

– Нукошь! – сердито заявляет он, и охрана расступается, выпуская его. Похоже, это Главный Дворцовый Лекарь. На рынке болтали, что он уже больше тридцати лет живет в Саккаре, но все так же невероятно коверкает язык.

– Ви избиваль этот малшик? Вас надо немелено аристоваль! – Палец старичка едва ли не упирается отцу Хина в нос.

– Нет, дайн, что вы, это не он! Это отец мальчика, дайн! Дайн лекарь, он не виноват! – Госпожа Оха раскинула руки, закрывая собой мужа.

– Не кричай мне в ухоль. Т-ц-ц-ц-ц! Малшик надо лежалъ. Его нога савсем плѣх. Я забираль его себе.

Мин подбежал к женщине, что-то зашептал ей на ухо, пытаясь ее успокоить. В это время открылись двери Купеческого Дома и на площадь вышел один из телохранителей Советницы. Его капюшон съехал на макушку, открывая солнцу рыжие кудряшки и задорные глаза. Разыскав Мина взглядом, телохранитель кивнул ему.

– Вот! – Мин указывает на телохранителя рукой – Попросите милости у Госпожи Советницы, она поможет вам.

Когда, следом, на улицу вышла Советница, обезумевшая от тревоги женщина бросилась под ноги лошадям охраны.

– Дайна Советница! Пощадите моего мальчика! Накажите меня вместо него! – Ее муж и Мин подхватили ее под руки, подняли, но женщина продолжает плакать: – Дайна! Пожалуйста, накажите меня и отпустите мальчика!

– Дядюшка Ши!

Главный Дворцовый Лекарь подошел к наследнице и заговорил на своем шипяще-цокающем языке. Та выслушала его, сказала несколько слов ближайшему телохранителю и прошла в свою повозку. Тот помог лекарю взобраться внутрь самохода, посадил туда же дайну Оха и ее мужа, знакомым жестом щелкнул по лбу довольного Мина и вскочил на сиденье за водильщиком. Теперь лекарский самоход оказался последним в процессии, которая торжественно покинула площадь.

Эрим медленно приходит в себя. *Нет, он не мог ошибиться, он определенно узнал телохранителя, не смотря на полузакрытое лицо. Эти рыжие кудряшки и лукавые глаза не могут принадлежать кому-то другому! Его телосложение, ловкость и бесшумную походку Эрим хорошо запомнил, не раз наблюдая, как удачно Дин подхватывает посуду, неловко столкнутую со стола нетрезвыми посетителями. Да и девушка рядом с наследницей не зря выглядит такой знакомой.* Эрим вопрошающе посмотрел на Исака, но тот не понял его:

– Мальчишка явно старался спровадить семейство Советнице. И был уверен, что у него получится.

Подошел Атар, следивший за Мином.

– Так и есть, все было заранее спланировано. Мальчишка забежал во двор, кивнул хозяйке и стал вопить, что стража арестовала Хина. Родители побросали все, что держали в руках и побежали на площадь. Причем, через главные ворота. Про заднюю дверь он им ничего не сказал.

– Атар, ты видел телохранителя и девушку возле Советницы? Что ты думаешь о них? – Эрим с надеждой уставился на второго телохранителя. Атар самый старший из них и самый наблюдательный – Эрим всегда принимает во внимание его мнение, хотя и не всегда следует его советам.

– Думаю, что один из телохранителей Советницы – это Дин. И девушка рядом с ней очень похожа на Ина. Ани более резка и порывиста, ее вряд ли оставят так близко к принцессе. Возможно, она была среди девушек во второй повозке.

– Ты совсем не удивлен?

– Ина ведь признала, что провела детство вместе с наследницей. А разве вам, на месте Советницы, не захотелось бы иметь рядом тех, кому доверяешь? И скрывать, чем занимаешься во Дворце – здесь такая традиция.

– А Дин?

– Я ожидал чего-то подобного. Все его движения говорят о хороших боевых навыках. Он всегда настороже и его взгляд постоянно оценивает ситуацию или человека на возможность угрозы. Даже у себя дома. Это просто годами выработанная привычка. Но меня смущает кое-что. Девушки появляются в доме родных не регулярно и по очереди, но Дин всегда сопровождает сестер. У телохранителя так много выходных? Похоже, эта семья действительно, на особом счету у Советницы.

– Кажется, теперь мне есть о чем подумать.

Когда Кан доложил о своей находке Хранителю Печати, тот надолго задумался. Затем подошел к полке, взял доску с шашками, поставил ее на стол и жестом пригласил Кана к игре. Кан понял, что ему сейчас предлагают разговор дяди и племянника, а не правителя и секретаря

и с готовностью сел за стол. Но дядя не спешил. Он расставил свои шашки, сделал несколько ходов, и только тогда спросил: – Кан, кто сейчас занимается расследованием нападения?

– Северный генерал.

– Я спросил, кто *занимается* расследованием, а не возглавляет его.

Кан позволил себе улыбнуться: – Тогда Рас, внук Военного Главы.

Теперь улыбнулся и правитель. Его радовало, что племянник так легко его понимает: – Какие у тебя отношения с ним?

– По традиции, Клан полагает нас главными соперниками. Но я долгое время считал его своим другом. И я до сих пор доверяю ему. Я не верю в его причастность к смуте. Интриги – не в его характере. Наоборот, Рас предпочитает открытый вызов.

– Вот как? Надеюсь, ты прав, – правитель какое-то время помолчал над игровой доской. – А ты можешь показать ему этот ход, но так, чтобы это не было бахвальством или услугой?

Кан подумал, кивнул: – Легко. Но почему нельзя просто сказать об этом Главе Клана? Или Северному генералу?

– Видишь ли, расследованием занимается Военный Клан, это дело их чести. Если показать им ход открыто, это значит проявить свое недоверие к их расследованию, кинуть еще один комок грязи в их репутацию. Мне бы не хотелось обострять отношения с Военным кланом. Особенно сейчас.

– Я сделаю это.

– Но присмотришься внимательно – удивится ли Рас твоей находке.

Кан посмотрел дяде в глаза, неохотно кивнул. Они поиграли еще какое-то время, пока дядя не спросил, совершенно непринужденно: – Как ты обнаружил этот ход?

На этот вопрос Кану ох, как не хотелось отвечать! Но его заминка была почти незаметной:

– Мне попалась на глаза карта с непонятным значком в этом месте. Я решил проверить, что это может быть, – не поднимая глаз, Кан убрал с доски «убитую» шашку и слегка напрягся, ожидая следующего вопроса. Если бы дядя задал его, Кан честно ответил бы, но правитель промолчал, а затем перевел разговор на другую тему.

– Ты слышал об огненном порошке, который недавно придумали в Зиндари?

– Только то, что начиненные им глиняные шары лопаются со страшной силой, и осколки разлетаются в разные стороны пронзая все вокруг.

– Тебе стоит внимательно ознакомиться с докладом шпионов. Я думаю, что военного союза нам с ними не избежать и стоит заранее продумать, выгоды и недостатки такого союза.

Вернувшись к себе, Кан задумался – почему дядя ничего не спросил о карте? Подозревает его в неискренности или хочет, чтобы он сам разобрался с этим? Но тогда правитель должен подозревать в заговоре его матушку. Додумать ему не дали, за дверью раздался торжественный голос слуги: – Дайна Глава Дома!

Матушка стремительно вошла в распахнутую дверь, прошла по комнате. Она явно была чем-то встревожена.

– Кан, бабушка приглашает нас к себе на чай!

– Нас? – Кан очень удивился: по дороге к дяде он встретил бабушку, гуляющую в саду и немного поболтал с ней. Ни о каком приглашении речи не было.

– Что странного, если мы с тобой вместе придем к бабушке на чай?

– Понятно. – Кан вздохнул. Матушка опять затеяла какое-то противостояние с Хранительницей, а его берет с собой в качестве щита. В последнее время матушка будто пытается что-то доказать свекрови. Та смотрит на нее, как терпеливый Наставник на отстающего ученика, и это сердит матушку еще больше.

Глава 5.

Госпожа Верховная Хранительница Мудрости поджидала их в садовой беседке за круглым чайным столиком, а рядом с ней сидела Советница. Судя по опущенной голове и сжатым рукам, девушка была чем-то расстроена. Увидев Кана, бабушка неодобрительно покачала головой и обернулась к служанке. Так и есть, перед столиком стоял только один стул, его здесь не ждали. Но, раз бабушка велела принести стул и ему, придется остаться. Матушка, с выражением объявления войны на лице, отвесила все необходимые поклоны и сказала все ритуальные слова. Затем, как генерал, ведущий сражение, села на изящный резной стул напротив бабушки. Кан сел напротив наследницы.

– Желаю здравствовать, дайна Советница.

Айю подняла на него взгляд. Выражения ее лица не было видно из-за вуали, но руки ее стали еще напряженнее. Похоже, какое-то время Айю изучала его лицо, затем опустила голову – то ли так отвечая на приветствие, то ли не желая больше видеть его. Больше она головы не поднимала, лишь иногда мягко кивала каким-то своим мыслям. Бабушка с матушкой обсуждали предстоящее празднество, а Кан перебирал в уме все дворцовые сплетни, пытаясь угадать, что же так расстроило его сестру.

– Нужно обязательно проверить количество столов для сладостей и трибун для зрителей. И попросить плотников внимательно осмотреть каждое сооружение. Народу будет много и любая поломка может привести к жертвам.

– Вам не стоит беспокоиться, Госпожа Верховная Хранительница Мудрости, мой управляющий уже занимается этим.

– Если нужна будет помощь, я могу обратиться к Главе Строителей, он выделит людей.

– Конечно. *Если помощь будет нужна.*

– Цветами для девушек, установкой качелей и развлечениями для детей, как всегда займется наследница, а мы с вами...

– Может, стоит поручить качели моему управляющему?

Девушка взяла чашку и слегка приподняла вуаль, чтобы сделать глоток чая, но рука с чашкой предательски задрожала. Айю быстро поставила чашку на место и спрятала руки под столиком.

– Нет, не стоит. Слишком много ответственности на одного человека, это рискованно. Мы уже обговорили с Главным Поваром, какие сладости будут готовить, список необходимых продуктов Вам передадут, я оплачу этот счет. Ваша задача – подготовить представление.

– Конечно, я уже занимаюсь этим.

– Если нужна будет помощь, говорите.

– Если помощь *будет нужна*, Госпожа Верховная Хранительница Мудрости. Есть еще один вопрос, который мы должны решить прямо сейчас.

– Да?

– Наследница может изъявить желание снять вуаль и поучаствовать в ночных играх. Я категорически возражаю. Это не только нарушение всех норм этикета. Это бросит грязь на репутацию всего Дворца. Помимо того, что она несовершеннолетняя, «дайна Советница» это официальный титул и Вашей внучке не следует его очернять своими выходками. «Основы незыблемы и постоянны». Безнравственное разгуливание по ночному городу приведет к потере уважения ко всем дворянским девушкам, ведь именно Советница является примером, по которому судят об аристократии. И как прикажете ее охранять? Советница с толпой телохранителей в безудержном веселье – это будут обсуждать до следующего празднования!

Кан наконец-то придумал более-менее достойный предлог, чтобы увести Айю, но бабушка коснулась рукой плеча наследницы:

– Думаю, тебе пора заняться своими делами.

– Я провожу вас. – Кан живо вскочил со стула. Девушка и так расстроена, а матушка еще подсыпает брикеты в огонь. Что же так огорчило сестру?

– Не стоит. У меня к тебе есть разговор. – Бабушка бросает через плечо: – Там! Советница идет в свои покои.

Телохранитель Айю бесшумно появился из тени дерева, молча поклонился Верховной и подал руку наследнице. Кан посмотрел вслед Айю, но Там закрыл ее своей спиной. Верховная невозмутимо продолжила пилить чай. *Знает*, – решил Кан. – *Все знает, но не скажет*. Бабушка поставила чашку на стол.

– Глава Дома, я нашла нового садовника для моего сада.

Матушка, которая во время предыдущего разговора слегка расслабилась, опять заметно напряглась: – А что же старый? Он перестал вас устраивать?

– Да. Его больше волнуют дворцовые сплетни, чем мои розы. Велите подготовить дом на трех человек для моего нового садовника.

– Вы не можете приводить во Дворец непроверенных людей!

– Конечно. Моя охрана уже проводит проверку.

– Но, это *моя* обязанность – найти для вас садовника. Вам стоило только сказать...

– Спасибо. Вам не стоит беспокоиться, я *уже* его нашла. Кан, я думаю, тебе будет интересно с ним поговорить.

– Зачем Кану разговаривать с прислугой?

– Как Главный Секретарь он услышит кое-что интересное. Вы не будете возражать против выполнения Каном своих обязанностей?

Глава Дома молча поджимает губы. Что ж, сегодня разговора с матушкой опять не получится. Она слишком взвинчена и весь вечер будет перебирать старые обиды. Дядюшка отправился на охоту, и Айю вряд ли захочет поговорить. Значит, придется заниматься делами вместо отдыха. Впрочем, ему всегда есть о чем подумать.

Сегодняшний молодежный раут обещал быть скучным. Кан не явился, сославшись на занятость, так что развлекать наследницу Расу предстояло одному. Начиная с девятнадцати лет, каждая высокородная девушка допускалась к посещению молодежных раутов. Считалось, что на таких встречах девушки оттачивают манеры и правила поведения в обществе. А так как благородные девицы никогда не появляются в обществе без сопровождения брата или кузена, каждые пять дней отпрыски благородных кровей собирались на молодежные рауты в очередной дворянской усадьбе. Последние два года обучения Госпожа Советница проходит во Дворце, по специальной программе. Поэтому такие выходы «в общество» считались для нее особенно желанными, и раз в тридцатидневку – обязательными. Как самой высокородной девице, наследнице полагалось сопровождение двух опекунов. Так как Рас не имел сестер и был самым высокородным, после Кана, представителем молодежи, именно ему предоставили честь быть вторым опекуном наследницы. Вообще-то, это было неслыханно – представителя Военного Клана назначили опекуном наследницы Клана Хранителей. Но этой девочке с самого рождения предсказали перевернуть все Устои этой страны. И похоже, она потихоньку начинает это делать, часто даже не осознанно. Например, вместо выбеленной правильным овалом маски на лице, наследница является на рауты не снимая вуали. Раньше Раса раздражало подобное высокомерие, но теперь ему нравится эта независимость.

За эти два года, что Рас знаком с наследницей, его отношение к ней сильно изменилось. Когда внуку Военного Главного предложили стать опекуном наследницы, матушка размечталась и об их свадьбе. И дед, и отец тут же заявили, что такое невозможно – Основы запрещают одной семье руководство двумя Кланами одновременно. Но оба согласились на опекунство. Больше всего на свете, Рас не любил принуждение. Поэтому, впервые сопровождая наследницу, он готов был насмешливо критиковать каждый ее шаг, даже если это не понравится Кану. Но

девушка сумела удивить его в первый же в своей жизни раут. Предполагалось, что она будет смущаться и переживать – ведь за каждым ее жестом и вздохом следило больше двадцати пар глаз. Но Айю была ровна и спокойна. Когда же Рас не выдержал, и пожаловался, что рядом с ней он чувствует себя жонглером на подиуме из-за излишнего внимания, Айю только пожалала плечами.

– И причем здесь я? Они не сводят глаз с вас с Каном. Ждут, кто из вас первым вцепится другому в волосы или пнет коленом. Кажется, вы забыли, что представляете соперничающие Кланы? Ставлю в заклад золотую монету – если я отойду в сторону, все взгляды гостей останутся с вами. Не хотите развлечь гостей?

И пока Рас выбирал, что больше ошеломило его – предложение о закладе или подзуживание к детской драке, одинаково не сочетающиеся с титулом Советницы, Айю упорхнула к ближайшей группе девушек. Рас оглянулся на Кана, у которого по лбу белой маски пробежались паутинки морщин.

– Я чувствую себя голым на рыночной площади в разгар торжища, – тихо пожаловался Кан Расу.

– Так может, тебе еще в глаз засветить, для полноты ощущений? – чуть громче, чем следовало, отозвался Рас.

– Болтун! – Кан высокомерно повернулся к нему спиной.

Рас оглядел окружившие их белые маски, жадно ожидающие продолжения, и усмехнулся – свою задачу он выполнил, неприязнь показал, а дальше развлекайтесь сами. Рас подбросил и поймал в кулак золотую монетку, мысленно ставя наследнице «зачет» за наблюдательность, и решив присмотреться к ней самому, отбросив все сплетни. Оказалось, девушка имеет свой, часто необычный, взгляд на многие вещи, кажущиеся привычными, а на сарказм Раса умеет давать не менее колючие ответы. И чем дальше от них находился Кан, тем более открыто девушка выражала свои мысли. С Каном наследница спорила очень редко, хотя соглашалась с его мнением далеко не всегда. Да и Расу Айю предпочитала задавать ставящие в тупик вопросы, вместо открытых возражений. Впрочем, обладая довольно переменчивым характером, в одном Айю была неизменна – всех парней, рискнувших ухаживать за ней, она тут же отваживала, не всегда заботясь о мягкости отказа. Рас, пожалуй, был единственным, кого наследница удостоила почти дружеского обращения. Кроме, разумеется, Кана, ее кузена.

Сегодняшний раут был посвящен новому модному увлечению – нарисовать одним росчерком, не отрывая кисти от бумаги, какой либо, но обязательно узнаваемый силуэт. Айю сделала несколько рисунков сама, похвалила несколько рисунков других авторов, затем оглянулась на Раса. Две девицы – судя по цветам одежды, одна дочь Старшего Конюшего, а вторая из лекарской семьи, – пытались заставить Раса оставить свои рисунки в их альбомах. Рас закрыл глаза и сжал губы – маска на его лице превратилась в пустой белоснежный овал, – явный признак раздражения. Ни один Наставник не одобрил бы подобного проявления эмоций! Айю, похоже, заметила молчаливый призыв о помощи и поспешила к нему.

– Расу нужно еще потренироваться, прежде, чем оставлять свои рисунки в ваших альбомах. Пожалуйста, будьте снисходительны. А вот у сына Старшего Архивариуса получаются замечательные росчерки. Вы уже видели его рисунки?

Девушки поспешно откланялись. Из-за белых масок, наносимых на лица высшего дворянства для защиты кожи лица от солнца или непогоды, все девушки становились похожи на тряпичных кукол, которыми забавлялись дочери простых воинов в Крепости, где прошло детство Раса. Когда он прибыл в Столицу для учебы в лицее, то больше всего Рас возненавидел эти белые овалы вместо лиц, которыми высшая знать подчеркивала свое особое положение. Именно желание избавиться от маски, получить должность с открытым лицом, и подстегивало его во время учебы. И его всегда смешили мечтания учеников из низших рангов попасть в

ранг «белоликих». Однако, необходимость сопровождать наследницу на рауты, вынуждала его каждые тридцать дней выбеливать лицо и самому становиться похожим на куклу.

– Рас, как вы считаете, это нападение и листовки – как-то связаны между собой? – Айю снизила голос и открыла перед ним альбом со своими рисунками, изображая светскую беседу.

Рас усмехнулся, и в который раз, подумал, что наследница неспроста носит вуаль, скрывающую выражение лица гораздо лучше белил. И еще он подумал, что Кан, с глубоким почтением относящийся к любым правилам, не одобрил бы этого разговора. Но Рас, еще с училища, ощущал веселый азарт, когда появлялась возможность хоть чуть-чуть нарушить правила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.